

УДК 81.42 + 070
DOI 10.17223/19986645/22/4

Н.Г. Нестерова

РАДИОТЕКСТ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ СМИ

Статья посвящена изучению влияния процесса конвергенции СМИ, ставшего ведущей тенденцией развития массмедиа, на функционирование медиатекста. На материале устно звучащего на радио текста и его стенограммы, представленной в качестве интернет-версии, ставится задача выявить языковые трансформации текста, обусловленные сменой медиаплатформы. Интерпретация характера изменений осуществляется с позиции полноты передачи коммуникативно значимых особенностей звучащего текста. Выявляются текстовые «правки», обусловленные изменением формы существования текста при «переводе» его из устной в письменную форму; дифференцируются коммуникативно незначимые и коммуникативно значимые правки; осуществляется их квалификация с позиции адекватности передачи интенций коммуникантов.

Ключевые слова: конвергенция СМИ, лингвистический аспект, звучащий радиотекст, интернет-версия, текстовые изменения, коммуникативные интенции.

Особенностью современных СМИ является поиск новых форм подачи информации, что выражается в экспериментировании с видео-, аудио-, печатным текстом, инфографикой, мобильными рубриками, слайд-шоу, комментариями, блогами [1. С. 59]. «Конвергенция» и «мультимедийность» становятся терминами, которые определяют условия функционирования современных СМИ. Конвергенция (от лат. *convergere* – «приближаться, сходиться») – термин, имеющий давнюю традицию использования при обозначении в разных науках процессов схождения, взаимоуподобления, в середине XX в. получивший употребление в западной философии и социологии, к концу прошлого века стал актуален для журналистики [2]. Немногим более десяти лет тому назад теоретики журналистики к этому понятию обращались при обсуждении вопросов, связанных с будущим СМИ, с преобразованиями в медиасфере, сегодня же конвергенция – это настоящее современных средств массовой коммуникации.

Изучение вопросов, связанных с конвергенцией СМИ, даёт все основания к осознанию того, что современный мир живёт в эпоху конвергенции разнообразных коммуникативных практик, реализующихся в журналистике, PR, политике, рекламе и т.д. Отмеченный процесс объективен, он является отличительной чертой информационного общества и свойством, органически присущим системе массовых коммуникаций. Создававшаяся ситуация квалифицируется как формирование новой информационно-коммуникативной парадигмы медиа, характерной особенностью которой является расширение медийного пространства за счёт использования журналистских и нежурналистских технологий и за счёт слияния коммуникативных практик [3]. В среде журналистов-практиков в связи с отмеченным фактом всё чаще раздаётся обеспокоенность судьбой традиционных СМИ в эпоху Интернета.

Процесс конвергенции современных СМИ активно изучается в теории журналистики и обсуждается российскими журналистами-практиками [4]. Основное внимание уделяется описанию и анализу информационной и технической составляющих процесса: оценивается современное техническое состояние российских СМИ и их готовность к новым коммуникативным условиям [2]. Характер влияния конвергенции на журналистику будущего активно исследуется Лабораторией медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий МГУ [5].

Одним из актуальных вопросов, вызванных к обсуждению в контексте проблемы конвергенции СМИ, является вопрос о требованиях к специалисту, работающему в новых условиях [6, 7 и др.]. Прежде всего, исследователями отмечается, что медиа-конвергенция обуславливает существенное изменение традиционной модели специалиста, занятого в сфере информационно-коммуникационной деятельности: руководителя конвергентной редакции, журналиста и, как следствие, специалиста, работающего в сфере рекламы, PR, политики т.п. Предлагаются пути формирования инновационной модели подготовки журналистов в контексте становления конвергентных СМИ [8].

Беспрецедентно стремительное для мирового сообщества развитие Интернета вызвало к необходимости создание сетевых платформ и постоянную их модернизацию. Для традиционных СМИ это означает принципиально изменившиеся условия функционирования как для автора (журналист должен работать в профессионально новых условиях), так и для адресата, «если взять во внимание изменение сложившейся аудитории» [9. С. 100]. Миграция различных форм СМИ в Интернет демонстрирует развитие принципиально новых видов информационных процессов, которые интегрируют исторический опыт традиционных СМИ и новые возможности медиа: Интернет становится новым открытым пространством для сбора, хранения и распространения информации [10].

Изучение же лингвистического аспекта процесса конвергенции находится на этапе становления. Немногочисленные научные статьи исследователей, работающих в этом направлении, представляют преимущественно анализ экстралингвистических факторов, влияющих на функционирование медиадискурса в условиях конвергенции [11]. Влияние процессов конвергенции на текст с позиции лингвистики не становилось предметом научного рассмотрения. Комплексное же изучение современного медиадискурса, функционирующего в условиях конвергенции, как представляется, не может ограничиться анализом новых процессов и тенденций в аудиовизуальных и печатных СМИ, изучением экстралингвистических факторов, влияющих на медиадискурс и медиатекст. В число актуальных задач выдвигается также решение лингвистических вопросов, связанных с созданием и функционированием медиатекста в условиях новых коммуникативных практик [12, 13], в том числе исследование принципов и механизмов трансформации текста при репрезентации его на ином медиаканале.

Радио, будучи первым электронным каналом СМИ, имеющим давние традиции ведения эфира и общения с массовым слушателем, сегодня вынуждено искать новые жанры и формы общения с аудиторией. Так, Л.А. Круглова, акцентируя основное внимание на телевидении, уделяет также внимание

новым проектам на радио и отмечает, что в условиях конвергенции СМИ радио претерпевает весьма существенные обновления. В качестве примера обращается внимание на «видеорадио» радиостанции «Эхо Москвы», которое квалифицируется как «яркий пример конвергенции радио, телевидения и Интернета, когда программа, выходящая в эфир на радиостанции, одновременно записывается на видео и выкладывается в сеть. Большинство передач сопровождаются и текстовыми стенограммами» [14. С. 67].

В контексте обсуждаемых вопросов особый интерес вызывают исследования (пока весьма немногочисленные), в которых исследуются вопросы, связанные с трансформациями текста в условиях интернет-среды [15]. М.М. Лукина связывает трансформации «с такими отличительными свойствами этого нового информационно-коммуникационного канала, как его онлайновая и гипертекстная природа, конвергентные и интерактивные возможности» [15. С. 54]. Автор акцентирует внимание на том, как новый канал определяет номенклатуру тематик, на трансформацию жанров журналистики. С журналистских позиций исследуется также характер трансформации аудиовизуального контента в Интернете: отмечаются такие особенности, как «кардинальные изменения в способах подачи, формах, содержании и способах его потребления» [15. С. 54]. Л.А. Кругловой специальное внимание обращается на жанровое разнообразие и тенденции развития аудиовизуальных материалов в Интернете и на порталах традиционных медиа, использование этого способа подачи информации в интернет-версиях традиционных СМИ. Характеризуя исследуемые процессы, автор применительно к ним использует термины «гибридизация», «гибридные медиа» [14, 16].

Отмеченные обстоятельства меняют представления о радиотексте, и прежде всего о форме его существования: радиотекст, прозвучавший в эфире, может быть сохранён не только в радиозаписи, но и в видеозаписи, может быть помещён в Интернет в форме расшифрованной стенограммы. В рассматриваемом контексте для лингвиста особую значимость приобретает вопрос о сохранении сущностных признаков радиотекста, представленного в разных форматах, и об адекватности передачи его коммуникативного содержания.

В качестве материала в данной публикации выступила запись вечернего эфира радиостанции «Эхо Москвы», программа «Ищем выход» от 08.11.2011 (ведущий – Тихон Дзядко, корреспондент радиостанции «Эхо Москвы»; гость программы – Юрий Шевчук, музыкант, лидер группы «ДДТ»; длительность звучания 47 минут) и её печатная версия, представленная в виде стенограммы на сайте радиостанции. Звучащий текст квалифицируется в исследовании как первичный, интернет-версия – как печатный, вторичный текст. Проведение анализа на примере одного выпуска радиопрограммы обусловлено целью выявить, насколько серьёзные в коммуникативном плане изменения может претерпеть определённый устно прозвучавший текст при репрезентации его на иной медиаплатформе, при том что в интернет-версия интервью передана близко к первичному тексту. Особенности речевого поведения участников программы, и прежде всего связанные с особенностями устной речи (интонация, изменения тембра голоса, темп речи), уточнялись благодаря техническим возможностям «Сетевизора» на сайте радиостанции.

Сопоставление стенограммы и записи звучащего текста показывает, что в целом первичный текст передан достаточно точно. Сохранены многие речевые единицы, которые характеризуют говорящего как личность и его речевое поведение; среди них – стилистически сниженные повторы, эмоционально-экспрессивные междометия (*блин*) и даже бранные слова (*сволочь*, *суки*). При этом полного соответствия первичному тексту печатная версия не обнаруживает. Изменения в тексте, допущенные при переводе его из звучащего в интернет-формат, носят разный характер.

Первая группа несоответствий, обнаруженных при сопоставлении звучащего текста и его интернет-версии, связана с передачей фонетических особенностей звучащей речи. В числе закономерностей представления радиийных материалов в Интернете необходимо отметить объективную сложность перевода звучащего текста в печатную форму: «...иногда он просто невозможен без существенной потери качества» [17. С. 106].

Для адресата радиoproграммы весьма значимым является как личность радиоведущего, так и личность гостей, приглашённых в студию. Участники передачи предстают как личности индивидуальные, обладающие им свойственными комбинациями коммуникативных и собственно речевых особенностей. Так, речь Т. Дзядко приятна, легка; произношение четкое, хорошая дикция; приятный спокойный тембр голоса; умеренный темп речи, убыстряющийся в повторах и замедляющийся в ключевых моментах высказывания; четкая система пауз и интонационная разбивка речи ведущего становятся условием не только хорошей речи, но и верного её понимания собеседником и радиослушателями.

Ю. Шевчук говорит легко, метафорично. Включая в речь и высокую лексику (*мессианство*, *самаритянин*) и сниженную (*ящик*, *круто*, *бухаем*), как правило, держит ровный тон. Привлекательность речи гостя обусловлена приятным тембром голоса (певец!), спокойным, плавным темпом речи, ритмический рисунок которой создается за счет «укорачивания» фраз: речевой особенностью гостя является обилие парцеллированных конструкций. Естественно, что большую часть отмеченных интонационно-произносительных особенностей стенограмма передать не может. Обратим внимание на наиболее значимые в коммуникативном плане особенности звучащего текста, которые не находят отражения в стенограмме, представленной на сайте радиостанции.

Объективным является тот факт, что в интернет-версии невозможна передача особенностей интонации, связанных с изменением тембра голоса (1). Ю. ШЕВЧУК. **Вот** меня спрашивают, ваше любимое место в Питере. Говорю: мой диван. Но это очень редко бывает. **Ну вот** Я ложусь классно, устраиваюсь на диване продавленном и начинаю листать ящик как настоящий российский обыватель¹. В приведённом для примера фрагменте на словосочетании *мой диван* меняется тембр голоса говорящего, свидетельствующий о том, что он улыбается, давая, как сам понимает, неожиданный для ведущего и радиослушателей ответ.

¹ Здесь и далее в иллюстрациях полужирным шрифтом выделены фрагменты, не включённые в интернет-вариант. Графика, орфография и пунктуация стенограммы сохранены.

В печатной версии не получает отражения такая интонационная особенность звучащего текста, как мелодика речи (2). К примеру, неформальность общения между ведущим и собеседником, а также творческая деятельность второго обуславливают языковую игру, которая в реальности реализована как «песенная игра», потому что в диалоге по телефону Ю. Шевчук именно пропевает строку широко известной песни. Ю. ШЕВЧУК. *Добрый вечер, Тихон. Здравствуйте. Слышно ли меня? Т. ДЗЯДКО. Вас слышно хорошо. Ю. ШЕВЧУК. У меня такое эхо в трубке. «Эхо Москвы». Эхо. Мы эхо друг друга (поёт, смеётся). Т. ДЗЯДКО. Примерно. Я надеюсь, что мы эхо друг друга, а потом, что мы эхо друг друга скоро станем в студии. Вы близко уже?*

Печатный текст не передаёт особенностей паузирования (3), в то время как оно не всегда соответствует имеющимся в стенограмме знакам препинания и, следовательно, не отражает манеру говорения участников коммуникации; ср.: Т. ДЗЯДКО. *Будем искать выход, обсуждать **обсуждать** ту ситуацию, которая на наших глазах разворачивается / в нашей стране и говорить о музыке, потому что завтра у Юрия Шевчука большой концерт в / Москве. Не только у него, но у группы ДДТ / вообще* (знак / в приведённом высказывании обозначает паузу).

В рамках обозначенных выше факторов, так или иначе связанных с интонацией, актуализируется вопрос о роли интонации повторяющихся в звучащем тексте слов и синтагм, об их коммуникативной значимости. Когда посредством «Сетевизора» ведётся дешифровка звучащего текста с целью восполнения стенограммы опущенными словами и синтагмами, в ряде случаев создаётся ложное предположение об утраченном логическом ударении в произносимых участниками фразах. В частности, было сделано предположение о намеренном повторении коммуникантами отдельных слов и словосочетаний для логического их выделения, как коммуникативно значимых, и подчёркивания важности сказанного. Т. ДЗЯДКО. *В частности, **собственно**, был вопрос: вы, **вы** телевизор смотрите вообще?; Т. ДЗЯДКО. А откуда **откуда** это вообще в головах появляется как вам кажется?; Ю. ШЕВЧУК. Ну Рифмуется история, как сказал один мудрец. Она не повторяется, она рифмуется. Сейчас мы вступаем, рифма допустим, брежневская эпоха, об этом только ленивый уже не говорит. Или николаевская стабильность. Николай Первый был император. Очень похоже, **очень похоже**. Ю. ШЕВЧУК. Просто мгновенно все поменялось. Вот это **вот это** страшно; Ю. ШЕВЧУК. Но все равно мне также многого не хватает, прежде всего, любви, не хватает **не хватает** этой наивной доверчивости к людям. **Не хватает** Которая просто крепости берет. Не хватает многого как и всем нам; Ю. ШЕВЧУК. Просто нужно обо всем составить свое собственное мнение. Не слушать какую-то рекламу **не слушать**, и с другой стороны не слушать, конечно, слушать рекламу и жесткую критику, но, **но самому** думать и самому разобратся в этом. Я так привык.*

Вторичное прослушивание эфирной записи опровергло предварительные предположения о логическом выделении повторяющихся в звучащей речи и опущенных в стенограмме слов: выяснилось, что отмеченные высказывания произносятся спокойным, ровным тоном, без специального изменения мелодики речи, что свойственно манере говорения и ведущего и гостя. Даже в

принципиально значимом вопросе, где можно было предположить, что повтор обусловлен подчёркиванием коммуникативно значимой части высказывания, звучащий материал не даёт оснований для подобного предположения. *Т. ДЗЯДКО. Здесь наши слушатели у вас* Наши слушатели спрашивают, 4 ноября, на прошлой неделе, когда в Москве проходил «Русский марш» вас звали там присутствовать. Но вас там не было. **Но вас там не было.** Почему? И как вы вообще относитесь к этому мероприятию? Приведённые примеры показывают, что только интонация и квалифицированная оценка логического ударения могут быть убедительным свидетельством коммуникативной значимости опущенных фрагментов или отсутствия таковой.

В печатном тексте не передаются некоторые погрешности устно звучащей речи, такие как аканье, мзканье и под., звуковые способы поддержания контакта с собеседником, выражение согласия (4): *Ю. ШЕВЧУК. Угу. Это самый простой путь, это это идет от старых добрых еще времен, когда мы жили в каким-то родовым общинным строем.*

Не отражаются в стенограмме имеющие место немногочисленные отступления от нормативного стиля произношения (5) (*щас, ничё* – в речи гостя), переданные во вторичном тексте в соответствии с правилами орфографии: *сейчас, ничего.*

Вторая группа несоответствий связана с передачей коммуникативного уровня текста, выраженного лексико-грамматическими средствами. Здесь мы обращаем внимание на степень адекватности передачи интенций говорящих. В ходе анализа во вторичном тексте выявлены: 1) правки, не искажающие интенцию говорящего, и 2) правки, искажающие интенцию говорящего.

Первая группа правок представлена двумя основными разновидностями: текстовой синкопой и нормативными правками. Текстовой синкопой мы предлагаем называть такие модификации со звучащим текстом, когда при переводе его в интернет-формат опускается слово или фрагмент текста, состоящий из нескольких слов.

При первом же обращении к печатному тексту замечаем, что в нём опускается самопредставление ведущего, принятое в радиопрограммах, выходящих в эфир (1). Это обусловлено изменением формата представляемых материалов и принципом достаточности: обязательным началом интернет-версии радиопрограмм является информация о её участниках, как правило сопровождающаяся фотографиями. По этой же причине опущены и фрагменты в представлении гостя. *Т. ДЗЯДКО. Я приветствую аудиторию телекомпании RTVi, радиостанции «Эхо Москвы». Меня зовут Тихон Дзядко. Программа «Ищем выход»; Мы ждем, что с нами в студии скоро появится Юрий Шевчук, лидер группы ДДТ.*

Закономерно опускается во вторичном тексте реплика ведущего, напоминающая номер телефона для связи в прямом эфире и приглашение к участию в передаче (2): *Давайте напомним телефон...*

Не всегда в интернет-версии сохраняется обращение (3). *Т. ДЗЯДКО. Расскажите, Юр, про завтрашний концерт, который у вас будет в Москве; Т. ДЗЯДКО. А скажите, Юрий, ваши поклонники, которые приходят на концерты ДДТ, вы же все время ездите по стране, насколько они...* (вопрос обрывается перебиванием собеседника).

В рассматриваемом тексте широко представлена текстовая синкопа, связанная с устранением разного рода повторов (4). Во-первых, опускается диалоговое единство (реплики обоих участников ситуации), включающее, как правило, повтор вопроса, вызванного техническими помехами, например в ситуации, когда собеседники общаются по телефону: *Т. ДЗЯДКО. Ну это такая отчасти политическая акция или направление такое?* *Ю. ШЕВЧУК. Что?* *Т. ДЗЯДКО. Это такая отчасти политическая акция? Или неправильно так воспринимать новый альбом?*; *Т. ДЗЯДКО. Но вот эти гражданственные темы, про которые вы говорите, и свободы сегодня уже это все ассоциируются и не знаю, согласитесь вы или нет, прежде всего, у наших властей это ассоциируется с такой оппозиционностью откровенной.* *Ю. ШЕВЧУК. С чем?* *Т. ДЗЯДКО. С оппозиционностью;* *Т. ДЗЯДКО. После этого вы сыграете «Что такое осень».* *Так я понимаю?* *Ю. ШЕВЧУК. Алло.* *Т. ДЗЯДКО. Да я говорю... и после этого, я говорю, вы сыграете «Что такое осень»?*

Во-вторых, в тексте не сохраняется дословный повтор, выполняющий роль заместителя паузы, потребность в нём возникает при обдумывании говорящим высказывания. *Т. ДЗЯДКО. Будем искать выход, обсуждать **обсуждать** ту ситуацию, которая на наших глазах разворачивается в нашей стране и говорить о музыке, потому что завтра у Юрия Шевчука большой концерт в Москве;* *Т. ДЗЯДКО. **То есть пусть, То есть пусть** они к вам тянутся;* *Ю. ШЕВЧУК. Пока, **пока нет такого, а-а-а, нет** политического многомыслия, разномыслия, о чем я говорил, его нет.*

В-третьих, не повторяется побудительный глагол. *Т. ДЗЯДКО. Расскажите про завтрашний концерт, который у вас будет в Москве. **Я так понимаю, насколько я понимаю*** (с интонацией предположения, неуверенности. – Н.Н.). *Это презентация альбома, **расскажите** чего ждать?*

Устраняется (в-четвёртых) повтор языковых единиц, который проявляется по типу «эха». *Т. ДЗЯДКО. Ну А сейчас молодежь такая же в большинстве своем?* *Ю. ШЕВЧУК. **Сейчас** Вы знаете, вот было 30 лет рок-клубу позавчера. Мы там играли. И вы знаете, биток был дворец спорта «Юбилейный» у нас в Питере. И весь партер **был** полностью состоял из молодых людей от 16 до 20 лет. Я этому был крайне рад. И глаза у них были по духу именно те, которые я помню, были где-то в 80-х на рок-клубовских фестивалях;* *Ю. ШЕВЧУК. Дети не доверяют родителям, такой у нас сейчас сложный период, очередной **такой** перекресток, то ли в яму упадем полную, черную эту дыру, которой мне иногда кажется Россия. Потому что все по кругу. Все по кругу. То ли полетим. Во что очень хочется верить.* *Т. ДЗЯДКО. **Хочется верить, Что** полетим. А чтобы полететь должен появиться какой-то лидер?*

Не находят отражения разного рода незначительные слова (чаще – частицы), как правило, в прозвучавшем тексте семантически не нагруженные (5): *вот, как бы, ну, уже, то есть, ну вот, ну так и т.п.* *Ю. ШЕВЧУК. **Я вот** подъехал к Кремлю **уже, да.** К башне;* *Ю. ШЕВЧУК. Вот у вас хороший **вот** лозунг – ищем выход. Я думаю, что не человек находит выход, а выход его находит.* *Т. ДЗЯДКО. Вдруг?* *Ю. ШЕВЧУК. Не вдруг, а ты просто должен быть достоин этого выхода. И он тебя тут же найдет. Мне кажется и*

здесь я **вот** как пишущий, как просто человек ну, если хотите искусства, хотя рок-н-ролл **уж такое** искусство не самое великое, но если мы внутри себя изменимся, то выход нас найдет. Подтверждением сказанного являются также многие высказывания, приводимые для иллюстрации других наблюдений.

Аналогичную группу составляют коммуникативно не нагруженные местоимения и наречия (6): Ю. ШЕВЧУК. Не записывали, он **вообще** начал писать, думать, **то есть** сначала же думаешь, ищешь какие-то ключевые слова **там, какой-то** какие-то аккорды главные для этой программы. Какое-то **ну какое-то** сквозное действие, **какой-то** сюжет, сценарий. О чем петь. И **в общем-то** если говорить коротко об этом альбоме, то ключевые слова это – тоска, недоверие, непонимание; Ю. ШЕВЧУК. Мы лишены полемики и поэтому любая какая-то песня **там** о свободе сразу называется политической; Ю. ШЕВЧУК. В нашей, многие декларируют как православной стране, что вера **там у нас**, церкви мы восстанавливаем, а декларируют совершенно другие законы.

Следующую группу представляют опущенные во вторичном тексте вводные слова и конструкции (7). Ю. ШЕВЧУК. Вот крепки объединения **там** (=например) разных людей бывают; Т. ДЗЯДКО. В частности, **собственно**, был вопрос: вы, **вы** телевизор смотрите вообще?; Ю. ШЕВЧУК. Я считаю, что **вот** «Русский марш» или, **допустим**, какой-то другой я не знаю, чего братцы хотят **вот** конкретно; Т. ДЗЯДКО. Но здесь **кстати** к нашему вашему эфиру пришло на сайт больше 200 вопросов. Ю. ШЕВЧУК. Давайте на вопросы будем отвечать; Ю. ШЕВЧУК. Ну что-нибудь поменяется. Ну будет **там** (=например) не Путин, а Сурков. Ну что поменяется? Давайте дальше. Т. ДЗЯДКО. **Ну вот** Этот новый альбом, **насколько я понимаю**, на протяжении двух лет вы его записывали, да? Т. ДЗЯДКО. Почему потом эти 10 тысяч не выходят, **не знаю** (= например), на митинги, чтобы просить, чтобы отстаивать свои права?

Не включаются во вторичный текст предикативные конструкции со значением поддержания контакта с собеседником, привлечения внимания (8): *вы знаете, понимаете, ну смотрите*. Ю. ШЕВЧУК. **Понимаете**. Я не хочу раздувать, я не искра, из которой разгорится пламя; Ю. ШЕВЧУК. Так же как у нас это было, мы тоже, **вы знаете**, не особо разбирались в политике; Ю. ШЕВЧУК. Это самый простой путь, это **это** идет от старых добрых еще времен, когда мы жили **в каком-то** родовым общинным строем. Когда любой чужой **он** был врагом скорее, чем другом. Потому что он был лишним **ртом там** или внедрялся в твои охотничьи угодья, **и** убивал твоих мамонтов. **Понимаешь?** Ну откуда это все идет, ну конечно это неразвитость такое настроение. Такое ощущение.

Нормативные правки, цель которых приблизить звучащий текст к языковой норме, также разнообразны. Прежде всего, обращает на себя внимание устранение несогласованных фрагментов текста (1); ср., к примеру, грамматически не согласованный финал фразы: Ю. ШЕВЧУК. Там и **вот эта** первая часть альбома «Иначе» **она как раз** завтра будет играть. Ну а потом мы сыграем, люди отмучаются, прослушав... **наш очередной, да**. Фразы нередко обрываются перебиванием собеседника, в этом случае её финал во вторичном тексте также оказывается неуместным. Т. ДЗЯДКО. Один из наших слушате-

лей благодарит вас за «Свободу по-русски». Ю. ШЕВЧУК. Спасибо, я там ни при чем, ребята. Я там полторы секунды. А, «Свобода по-русски». Я думал «Жила одна баба». Спасибо, да.

Опускаются во вторичном тексте погрешности, обусловленные обдумыванием фразы (2) (чаще они обнаруживаются в речи гостя): Ю. ШЕВЧУК. *Через пару тысяч лет, чтобы его (латинский язык. – Н.Н.) изучали врачи какие-нибудь. Или там ну Или ну неважно. Филологи. Все рифмуется. Почему пессимистично. Римляне зажрались, упали в порок, полный кошмар и ужас. Выбирали себе каких-то, прости господи императоров, которые **ничего, ничего** делали вид, что правили, а на самом деле набивали себе карманы. Вот и рухнули. Рухнула целая цивилизация.*

Опускаются погрешности речи, допускаемые ведущим при «переводе» письменного сообщения в устное (3), когда зачитываются СМС-сообщения, поступившие во время передачи: Т. ДЗЯДКО. *Здесь спрашивает Олег из Вологды, **не знаю, вот** пишет, что в питерском метро висят плакаты, что вы поддерживаете «Яблоко». Это правда?*

Опускаются некоторые стилистически сниженные фрагменты высказываний (4), чаще они встречаются в речи гостя студии. Ю. ШЕВЧУК. *Нет, они просто говорят, чего-то понаехало этих гуннов, готов, **блин**, этих германцев, этих бриттов. Достали. Латинского языка уже не слышно в Риме. Что, такого не было? Было. Почитаем Цицерона или еще кого. В то же время в тексте сохранены подобного рода фрагменты: Ю. ШЕВЧУК. *Вот здесь как раз собака и зарыта. Что зависит ли от нас это или нет. Я думаю иногда, что зависит. Поэтому я иду на какой-то бунт, иногда мне кажется, лежа на моем любимом диване, что ничего не зависит. Я **и** я мрачно переключаю ящик, курю и думаю: блин, продали Россию, суки. У меня бывают всякие эмоции, мысли. Ну по-разному. Я ведь тоже часть нашего общества. Ну, будем надеяться, уж не самая пропащая; Ю. ШЕВЧУК. Просто боятся народ. Извиняюсь, писают кипятком, блин. Народ вообще никому не доверяет; Ю. ШЕВЧУК. Все слушают шансон, да. И того нет и этого, блин. Бухаем короче.**

В интернет-варианте устраняются элементы тавтологии (5). Т. ДЗЯДКО. *Но насколько во время **во время** концертов насколько те люди, которые приходят **на ваши концерты**, они принимают что ли эту гражданственность, о которой вы говорите или им скорее давай песни какие-то, чтобы попрыгать и поплясать?*

Устраняются случаи самоисправления участников диалога. Т. ДЗЯДКО. *Здесь наши слушатели у вас Наши слушатели спрашивают...; Т. ДЗЯДКО. Еще к разговору о Сталине, о Советском Союзе, был вопрос от одного из наших слушателей, который поздравил вас с праздником Октябрьской революции и спросил, как вы отмечаете, как относитесь к этому дню. Ю. ШЕВЧУК. Я к нему никак не отношусь. Т. ДЗЯДКО. Вообще? Ю. ШЕВЧУК. К Октябрьскому К Октябрьской революции никак не отношусь я. Это был такой в истории такой факт, да. Мощный кстати да, **да, факт**. Но я не отношусь никак. Я отношусь как к историческому факту. Достаточно трагичному.*

Реже имеют место случаи «обратного» типа правок. К примеру, в стенограмме представлена полная форма числительного, обозначающая дату, вме-

сто сокращённой, характерной для разговорной речи. Ю. ШЕВЧУК. *То есть при Сталине крестьянин паспорта не имел. В общем такая обманка была, это конечно трагедия была 1917 (17) год. Крестьянская трагедия я считаю в большей степени.*

Выявленные разновидности правок, сделанных во вторичном тексте, нацелены на преобразование устно звучащей речи в печатный вариант. Реализованы они в соответствии с требованиями нового для текста формата, и большая их часть не искажает интенций участников коммуникации. В то же время во вторичном тексте имеют место случаи, которые, как представляется, допускают в той или иной степени искажение интенции говорящего. Речь идёт о тех ситуациях, когда во вторичном тексте опускаются коммуникативно нагруженные единицы. К их числу мы относим вводные слова и конструкции, выражающие отношение автора к сообщаемому (1): Ю. ШЕВЧУК. *А, а-а-а телевидение это фактически вообще не осталось. Ну к сожалению. Много в Интернете с другой стороны; Ю. ШЕВЧУК. Я не знаю, в истории вообще вы знаете бывают знаки плюса, знаки минуса, но здесь как я понимаю, была ведь не Петроградская революция, а была революция крестьянская; Ю. ШЕВЧУК. Ну конечно. Ну «Единая Россия» да, скрепит нашу нацию. Я не знаю, ну хорошо пусть она будет, но пусть будет и «Яблоко». И «Правое дело», пусть будет и Прохоров, который кстати отличился; Ю. ШЕВЧУК. Ну конечно. Всяко бывает. Может потоп начнется послезавтра, кто знает. И нам будет уже не до политики, а мы будем строить Ноев ковчег. Ну это вряд ли. У меня есть хорошая поговорка, я ее очень люблю: профессионалы построили Титаник, который как всем известно, утонул, а любитель построил Ноев ковчег, да, вот.*

Среди коммуникативно значимых, с нашей точки зрения, единиц, не вошедших в интернет-вариант (или сокращённых в интернет-варианте), встречаются оценочные конструкции (2): Ю. ШЕВЧУК. *Ну не нагнули его (Михаила Прохорова. – Н.Н.). Ну все равно молодец, да. Молодец. Мужик. Ну, вот пускай будут разные. Коммунисты. Все будут пускай; Т. ДЗЯДКО. Просят вас прокомментировать фразу Михаила Ходорковского, который отвечал на вопросы слушателей «Эхо Москвы» и сказал, что на его взгляд и его опасения, что «страну ждет долгий застой, политический кризис и революционная очень надеюсь, что бескровная смена власти». Ю. ШЕВЧУК. Мудро, мудро, да. Мудро. Можно с ним согласиться. Это одно из направлений, да в этом в этой в этой многовариантности будущего. Вполне возможно, что так будет. Может быть иначе. Давайте дальше.*

Во вторичном тексте обнаружена утрата текстовых повторов, которые, по существу, представляют собой парцеллированный фрагмент (3), причём эти опущенные во вторичном тексте фрагменты воспринимаются как коммуникативно нагруженные: Ю. ШЕВЧУК. *Любовь, свобода. То есть ну это ключевые слова. Недоверие друг к другу, доверия мало сейчас. Доверия. Вообще никто никому не доверяет.*

В ряде случаев опущенное слово или словосочетание конкретизирует ответ, и эта конкретизация имеет принципиальный характер (4). Ю. ШЕВЧУК. *То, что они «яблочники» экологические программы разнообразные всегда поддерживают, э-э-э мы с ним стояли на «Маршах несогласных» вместе с*

Максом, когда протестовали против строительства в центре Петербурга вот этой газпромовской бутылки с нефтью, у-у-у э-э-э. И так далее. Безусловно, их поддержал. **Только в этом.** Но никакой я не член партии.

Иногда опускается фрагмент высказывания, который выступает как результат рассуждения, как поиск наиболее точного выражения отношения к тому, о чём говорится, как подтверждение представленного ответа, мнения, и поэтому характеризуется коммуникативной значимостью (5), например: Ю. ШЕВЧУК. **Это печально. Это трагично. Это не печально, это трагично;** Т. ДЗЯДКО. **Давайте будем смотреть вопросы, которые приходили к нам на сайт. Раз 15 или 20 был задан вопрос: пойдете ли вы на выборы?** Ю. ШЕВЧУК. **Я еще не решил. Я ответил. Я еще не решил.** Я думаю об этом. Мне просто нужно найти время. **Все Прикинуть.** Пока не решил.

Опущенные в некоторых случаях словесные повторы выполняют в речи говорящего экспрессивную функцию (6). Т. ДЗЯДКО. **Просто создается ощущение, не знаю, согласитесь вы или нет, что сейчас события как-то как снежный ком одно на другое катится, катится, катится, и ощущение, что в какой-то момент он может стать таких размеров, что ничем уже его не сдержать будет.**

Сопоставление звучащего радиотекста и его интернет-версии подтвердило гипотезу о том, что вторичный текст не только не передаёт суперсегментные особенности звучащего текста, но и не обеспечивает в полной мере сохранение коммуникативного уровня первичного текста. Приведённые примеры показывают, что изменения, допущенные при репрезентации радиотекста в Интернете, в ряде случаев «имплицитируют» интенцию выражения отношения к сообщаемому (1, 2) и интенцию конкретизации личной позиции говорящего, уточнённой в ходе рассуждения (4, 5, 6).

Непроявленность отмеченных типов интенций ведет к неполноте представления об участнике коммуникации как о языковой личности и как о субъекте социокультурной жизни.

Проведённый анализ показал актуальность вопроса о характере трансформаций радиотекста при репрезентации его на ином медиаканале.

Литература

1. Качкаева А.Г. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. М., 2010. 200 с.
2. Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. М., 1999. Вып. 5. С. 11–14.
3. Калмыков А.А. Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности [Электронный ресурс]. Оптимальные коммуникации. 28 апреля 2011. URL: <http://jarki.ru/wpress/2011/04/28/2198/>
4. Баранова Е.А. Конвергенция СМИ глазами российских журналистов-практиков// Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова «Медиаскоп». 2010. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/672>
5. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования. Ч. 1. Трансформация глобального информационно-коммуникационного пространства в интернете: сб. Лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий / под ред. И. Засурского. М.: Изд-во МГУ, 2007. 262 с.
6. Баранова Е.А. Процесс конвергенции СМИ и журналистское образование // Журналистское образование. 2010. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/528>

7. Засурский Я.Н. Журналистское образование: повестка на 2008 год // Вестн. МГУ. Сер. Журналистика. 2008. № 1. С. 3–5.
8. Шестёркина Л.П. Формирование инновационной модели подготовки журналистов в контексте становления конвергентных СМИ (гуманитарный и технологический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 52 с.
9. Силантьева О.М. Газетно-журнальный холдинг: как поставить традиционную редакцию на мультимедийные рельсы (опыт ИД «Алтапресс» по созданию интегрированной мультимедийной редакции) // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. М., С. 79–101.
10. Николайчук А., Харина Е. Конвергенция СМИ [Электронный ресурс]: от печати к цифре // Tut.by : центр электрон. бизнеса: [сайт]. Минск, 2000–2008. URL: [http:// www.tutby.com/publications/business/41.html?print=1](http://www.tutby.com/publications/business/41.html?print=1)
11. Луканина М.В. Текст средств массовой информации и конвергенция // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 205–214.
12. Нестерова Н.Г. Радиодискурс в аспекте дискурсивных изменений // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2012. № 5 (20). С. 50–54.
13. Арсеньева Т.Е. К вопросу о лингвистическом аспекте конвергенции СМИ // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конф. молодых ученых / под ред. А.А. Казакова. Вып. 13. Томск, 2012. Т. 1: Лингвистика. С. 10–13.
14. Круглова Л.А. Трансформация аудиовизуального контента в новых медиа // Вестн. МГУ. 2012. № 3. С. 61–71.
15. Лукина М.М. Трансформации журналистского текста в условиях интернет-среды // Вестн. МГУ. 2009. № 3. С. 54–73.
16. Круглова Л. А. Гибридные медиа: роль видео в новых медиа // Вестн. МГУ. 2010. № 3.
17. Телень Л.О. Радио в Интернете: новая жизнь старого СМИ // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. М., 2010. С. 106–126.